

АЛЬБЕРТО АНДЖЕЛА

БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПИК РАСЦВЕТА И ЗАХВАТ МИРА

Альберто Анджела

**Беспредельная Римская империя.
Пик расцвета и захват мира**

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Анджела А.

Беспредельная Римская империя. Пик расцвета и захват мира /
А. Анджела — «Азбука-Аттикус», 2017

ISBN 978-5-389-14734-8

Место действия книги знаменитого итальянского палеонтолога, тележурналиста и писателя Альберто Анджелы – вся Римская империя эпохи Траяна. Как жили в то время? Каких людей мы встретили бы в ее городах? Как удалось римлянам создать столь грандиозное государство, объединив столь различные народы? Путешествуя по бескрайним просторам Великой Римской империи вслед за сестерцием с портретом императора Траяна, отчеканенным в самом ее сердце – Древнем Риме, – автор проведет своих читателей в отдаленные уголки империи времен правления одного из «пяти добрых императоров». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-14734-8

© Анджела А., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Введение	6
Рим	9
Римские трущобы	9
«Колдунья» и колдовство	10
Источник Анны Перенны	11
Новый год у римлян: Вудстокская ярмарка античности	12
Магические предметы	13
Римские статуэтки «вуду»	14
Посылка божествам загробного мира	15
Краски ночи	16
Рождение сестерция	18
Лондон	20
На заре долгого путешествия	20
Лондон – римское «изобретение»	22
Сборные конструкции Лондона	24
Юноша восьмидесяти лет, переживший трагедию	25
Встреча с наместником провинции	26
Когда Сити был городом Дикого Запада	28
Прогулка по Сити: самая древняя стиральная машина?	29
Наши изобретения? На самом деле их придумали римляне...	30
Раб, купивший себе раба	31
«Покажи ему средний палец, Сестилл!»	32
Древний праздник очищения	34
Прощание	36
Виндоланда	38
Сандалии поверх носков: мода почти двухтысячелетней давности	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Альберто Анджела
Беспредельная Римская империя.
Пик расцвета и захват мира

*Монике, Риккардо, Эдоардо и Алессандро.
Ведь самое прекрасное путешествие я совершаю каждый день,
глядя в ваши глаза...*

Alberto Angela
IMPERO

Viaggio nell'Impero di Roma seguendo una moneta

© 2010 Rai Radiotelevisione Italiana, Roma

© 2010 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano

© 2017 Mondadori Libri S.p.A., Milano

All rights reserved

Published by arrangement with ELKOST International Literary Agency.

© Н. Ю. Чамина, перевод, 2018

© О. А. Уварова, перевод, 2018

© М. Н. Челинцева, перевод, 2018

© Издание на русском языке, ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

© Издательство Колибри®

Введение

Посмотрите на карту Римской империи в период ее наибольшего распространения. Поражает обширность территории. Она простирается от Шотландии до Кувейта, от Португалии до Армении...

Как жили в то время? Каких людей мы встретили бы в ее городах? Как удалось римлянам создать столь большую империю, объединив столь различные народы?

Цель данной работы – помочь вам совершить путешествие по Римской империи в попытке ответить на такие вопросы.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, является продолжением предыдущей книги «Один день в Древнем Риме», где я описал повседневную жизнь в столице империи на примере одного обычного дня, предположив, что речь идет о некоем вторнике в период правления императора Траяна.

А теперь представьте, что вы проснулись на следующее утро, то есть в среду, и отправились в путешествие через всю империю. Вдыхая атмосферу улочек Александрии Египетской, аромат духов прогуливающих по Милану дам, слушая перестук молоточков в афинской лавке резчиков по мрамору, разглядывая разноцветные щиты легионеров на марше в Германии, разрисованные тела варваров на северных рубежах, в Шотландии...

Какой способ повествования выбрать для описания подобного путешествия по Римской империи?

Я подумал о монете. А точнее, о сестерции. Если проследить передвижения монеты, постоянно переходящей из рук в руки, можно в принципе оказаться в любой точке империи за несколько лет (не больше трех). И самое главное, следуя за людьми, которые поочередно становятся обладателями монеты, мы можем открыть для себя их лица, чувства, их мир, жилище, правила и привычки.

Наша монета будет переходить из рук легионера в руки землевладельца, от раба к хирургу, который пытается спасти ребенка во время сложной операции, от богатого торговца гарумом (любимый соус римлян) к проститутке, от певицы, чуть не погибшей во время кораблекрушения на Средиземном море, к моряку и так далее... до самого императора. Через множество рук.

Путешествие наше, разумеется, будет воображаемым, но вполне правдоподобным. Персонажи, с которыми вы будете встречаться, за малым исключением, – реальные исторические лица того времени, действительно жившие в тех местах. Имена их подлинные, как и род занятий. Все это – результат долгого изучения надгробных надписей и древних текстов. Даже облик многих из них нам известен благодаря необыкновенному собранию так называемых фаумских портретов, найденных археологами в Египте и датируемых первыми веками нашей эры, как раз в то время мы и совершаем наше путешествие. Это портреты обычных людей, которые хранились в доме, а после смерти их помещали на мумии усопших и хоронили вместе с ними. Некоторые из персонажей этой книги выбраны среди изображенных на них.

Будто по волшебству, на улицах города, в портовых закоулках, на палубе корабля мы встретимся с их древними, но столь знакомыми лицами. А искорка, которую мы уловим в их взглядах, позволит нам открыть для себя небольшой фрагмент культуры и повседневной жизни того времени.

Все реплики, которые вы услышите из уст римлян, в большинстве случаев являются «оригинальными»: они заимствованы из произведений знаменитых латинских авторов, таких как Марциал, Ювенал, Овидий...

Моим намерением было дать максимально правдивое представление об эпохе, о людях и местах. Если в городе Лептис-Магна в Северной Африке, к примеру, при Траяне еще не было больших терм (они были возведены несколько лет спустя, уже в правление Адриана), то вы и не увидите их во время прогулки по городу вслед за сестерцием.

Стиль повествования порой выглядит похожим на художественную прозу, но при этом все места, природные условия, все памятники и пейзажи, которые вы встретите во время чтения, были тщательно изучены по древним текстам и археологическим памятникам, чтобы их описание в книге совпадало с тем, какими их видели римляне. А если и будут ошибки, то пусть читатель меня простит.

Целью написания этих страниц было, в том числе, помочь читателю погрузиться в реальную повседневную жизнь того времени. Дать возможность человеку, увлеченному историей и археологией, узнать детали и прочувствовать обстановку, которую обычно в книгах не описывают: запах толпы, собравшейся поглядеть на состязания колесниц в Большом цирке, рисунок света, проникающего через решетки на окнах...

Поскольку мы не имеем возможности знать обо всем, что в точности происходило в годы нашего путешествия (завершающегося в 117 году н. э.), в некоторых редких случаях приходилось вносить поправки, к примеру если некий эпизод в действительности происходил немного в другое время, чем когда о нем рассказываю я. Однако вполне возможно, что и тогда он мог бы случиться.

Источники, которыми я пользовался, самого разного рода. Прежде всего это античные авторы. Затем археологи, которые лично рассказывали мне о своих находках. Потом ученые, которые в своих книгах и исследованиях дают подробнейшие описания и толкования тогдашней жизни. Всех перечислить невозможно, я упомяну лишь одного – профессора Лайонела Кэссона¹, великого исследователя путешествий.

Что вы сможете узнать, прочитав эту книгу? «Закулисную» сторону жизни Римской империи.

Вы увидите, насколько мир римлян, по сути, был похож на наш. Они смогли осуществить первую великую глобализацию в истории. Во всей империи можно было расплачиваться одинаковой монетой, был один официальный язык (вместе с греческим на Востоке), почти все умели читать, писать и считать, был единый свод законов и свободный товарооборот: вы могли зайти в таверну в Александрии Египетской, Лондоне или Риме и заказать одно и то же вино, привозившееся из Галлии, или заправить свою еду одним и тем же оливковым маслом, привозившимся из Испании. В соседней лавке вы могли купить тунику из египетского льна, сшитую в Риме (вроде наших футболок), и т. д.

На дорогах вы могли найти мотели и придорожные станции обслуживания, как и у нас, взять напрокат транспортное средство для перемещения между городами.

В общем, путешествуя по Римской империи, проникаешься ощущением, что дышишь знакомым воздухом...

И тогда были проблемы, похожие на наши: рост разводов и падение рождаемости, перегруженность судебной системы из-за непомерного числа процессов, скандалы, вызванные хищением государственных средств, выделявшихся на строительство крупных объектов, так и оставшихся недостроенными, уничтожение лесов в некоторых районах ради удовлетворения потребности в древесине, застройка пляжей огромными виллами... Были, уже в то время, войны в «Ираке»! Вторжение Траяна в Месопотамию, то есть в тот же географический регион, где спустя две тысячи лет шли боевые действия сил Коалиции, выявило военные и геополитические проблемы, удивительным образом схожие с современными.

¹ Лайонел Кэссон (1914–2009) – филолог-классик, почетный профессор Нью-Йоркского университета, специалист по морской истории. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.)

Если проанализировать все века прошедшей истории, больше всего поражает, насколько античное общество напоминает современное. В чем секрет? Как мы увидим, не только вследствие вооружения, но и благодаря превосходству инженерной мысли (акведуки, термы, дороги, города со всеми удобствами) им удалось завоевать тогдашний мир.

Поражает также их историческая исключительность: ни одна другая культура или цивилизация не сумела создать того же, вплоть до современной эпохи. Можно задать себе вопрос: это они опережали свое время или мы так сильно отстаем?

Путешествие, которое вы совершите, отражает волшебный момент в истории: единственный раз Средиземноморье и Европа оказались объединенными. Такая ситуация сохранялась первые четыре столетия христианской эры: да, можно было путешествовать без границ (а также без пиратов или врагов) от одного края до другого. А потом эта необыкновенная пора сразу закончилась и никогда уже не возобновилась.

Наконец, в этой книге есть персонаж, без которого наше путешествие было бы иным: Траян.

В книгах по истории редко подробно останавливаются на этом императоре. В Италии сегодня никто не назовет сына Траяном (что бывает с именами многих других великих людей прошлого, таких как Цезарь, Август, Константин, Александр, даже Адриан, наследник Траяна). А ведь это тот самый император, при котором империя достигла максимума протяженности, процветания, богатства, благополучия; «счастливейший век», никогда более не повторившийся в римской истории. Карты империи периода ее наибольшего распространения, которые вы видите в книгах, относятся именно к эпохе правления Траяна.

В нашей книге мы стремились вернуть внимание к этому персонажу, «наилучшему принцепсу»², как его называли, и в первую очередь к той необыкновенной эпохе, которую он сумел создать.

В добрый путь. Vale³.

*Альберто Анджела,
Рим, 9 ноября 2010 года*

² Optimus princeps – титул римских императоров (лат.).

³ Прощай(те) (лат.). – Примеч. ред.

Рим

Где все начинается

Римские трущобы

Она спешит мимо людей по немощеным улочкам, прикрыв лицо платком, чтобы ее не узнали, – элегантная дама с изящными руками. Пальцы длинные и тонкие, с ухоженными ногтями. Эти руки незнакомы с работой... Ей действительно не место здесь, в Субуре, народном квартале Рима, где нет ни шелков, ни мрамора, лишь голод и бедность.

С кошачьей грацией она уклоняется от прикосновений, хоть это и непросто. Ей навстречу попадаются беззубые мясники с четвертями бычьих туш на плечах, крикливые маленькие толстушки-матроны, тощие бритоголовые рабы, от которых разит немытым телом, бегающие дети. Приходится смотреть под ноги: по улочке разливаются ручейки помоев, над образовавшимися лужицами роятся тучи мух, облепляющие босые ноги прохожих.

Вдруг справа раздается резкий и возбужденный женский голос: за дверью ссорятся. Она пытается прислушаться, но тут вспорхнувшая курица заставляет ее повернуть голову в сторону лавки, заставленной множеством деревянных клеток, от которых исходит резкий запах курятника.

Женщина торопливо шагает вперед, будто стремясь как можно меньше времени провести в этом переулке, и, проходя, задевает краем одежды сидящего старика, который поднимает голову, почувствовав не столько мягкое прикосновение туники к своему колену, сколько исходящий от женщины нежный и свежий аромат. Тщетно его глаза, один из которых затянут бельмом, ищут эту «фею»... Здоровым глазом ему удастся заметить лишь колышущийся край покрывала, исчезающий за углом.

Мы пришли: вот оно, это место. «Повернув за угол, иди по улице под горку, прежде чем дойдешь до конца, увидишь эдикулу: маленькое святилище, пристроенное к стене. Напротив него вход, ступени ведут вниз, там ты ее и найдешь», – объясняла ей ее повивальная бабка.

Молодая женщина колеблется: вход такой узкий, ступени ведут в темноту... Она озирается: кругом высятся стены многоэтажных инсул, жилищ бедноты, потемневшие от сырости и покрытые пятнами грязи, окна сломаны, балконы держатся на честном слове, видны свисающие веревки... «Как люди могут жить в таких условиях? – думает женщина. – Что я здесь делаю?» Ответ перед ней. Она встречается взглядом со старухой в мятой тунике, выглядывающей из окна. С материнской улыбкой та кивает, приглашая зайти, будто поняла, зачем женщина пришла, и хочет ее подбодрить... Сколько она таких повидала.

Женщина глубоко вздыхает и входит внутрь. И сразу на нее накатывает резкий запах чего-то подгоревшего, но чего именно, понять невозможно. Жутковатая атмосфера лишь подтверждает: она именно в том месте, которое искала. Сердце бьется так сильно, что ей слышится это биение в окружающей тишине и полумраке. Еще пара шагов... И вдруг из темноты появляется лицо. Женщина в ужасе отшатывается.

Это и есть колдунья.

«Колдунья» и колдовство

Плотного телосложения простолюдинка, в неухоженных волосах просвечивает множество седых прядей. Пронзительный взгляд черных глаз, решительный и уверенный. «Все принесла?» Молодая женщина протягивает сверток. Колдунья хватается за руки. «Ты хочешь его смерти?» Она впиалась глазами в лицо молодой женщины, та испуганно кивает.

Колдунья должна совершить обряд, чтобы мужчина, женившийся на молодой девушке по решению родителей, выбыл из игры. Он жестокий человек и истязает ее побоями. А она уже некоторое время назад нашла утешение в другом. Между ними разгорелось большое чувство. И вот женщина решила прибегнуть к магии, чтобы найти выход из положения...

Колдунья разворачивает сверток, в нем обрезки волос и ногтей ненавистного мужа, которые молодой женщине удалось раздобыть. Начинается подготовка обряда: колдунья должна вылепить фигурку из теста, начиненного обрезками волос и ногтей жертвы.

Конечно, сначала она хочет, чтобы ей заплатили. Молодая женщина достает кожаный кошелек и протягивает колдунье; та раскрывает его и трясет, чтобы увидеть содержимое. Улыбается: денег много. Отворачивается и прячет его в маленькой колыбели, подвешенной к потолку на лентах, там спит девочка. Колдунья слегка раскачивает колыбельку. В свои тридцать пять – сорок лет она выглядит старухой.

Жилище колдуньи темное и грязное, освещаемое по большей части огнем, разведенным в очаге. Над огнем висит небольшой котел, в нем кипит странное месиво, оно-то и источает резкий запах. Возможно, это приворотное зелье или другой колдовской настой, который хозяйка готовит для клиентов.

Подобные котлы, называемые *caccabus*, были в ходу у простолюдинок, готовивших лечебные снадобья из растений. Они же при необходимости наводили порчу, как рассказывает Вергилий. Котел-*caccabus* на протяжении многих лет будет ассоциироваться с образом ведьмы. Согласно стереотипному представлению, ведьма – немолодая женщина, она уже утратила всякое очарование (и скорее откровенно уродлива), небогата, одевается скромно, жилище ее – лачуга, а занятие – приготовление ядов. Вот с чего все начинается – с некоего типа женщин-простолюдинок, которые занимались колдовством и наведением порчи, пользуясь доверчивостью людей, их слабостями и особенно их страданиями.

Поэтому кошельки с сестерциями, драхмами, флоринами, шиллингами, попадая в их руки, веками были самым коварным видом кражи, в наименьшей степени караемым властями. То же самое имело место и в Риме эпохи Траяна.

Статуэтка готова. Ей придан облик мужчины, заметны половые органы. Женщина вырезает на поверхности фигурки магические формулы. Потом, совершив различные обряды и продекламировав заклинания, чтобы призвать божества загробного мира, статуэтку помещают вниз головой (в символическом положении) в цилиндрический свинцовый сосуд, который, в свою очередь, кладется во второй, больший по размеру, а затем и в третий. После этого колдовскую «матрешку» запечатывают воском, на поверхности которого колдунья вырезает ножом заклинания и священные изображения. Лицо ее горит, она поднимает сосуд над головой, выкрикивает еще несколько заклинаний и наконец протягивает его женщине. «Иди, – говорит она ей, – ты знаешь, куда его отнести». Женщина берет сосуд: по размеру он нам напоминает большую консервную банку, но гораздо тяжелее, ведь он из свинца. Она обертывает его тканью и выходит на улицу, не глядя на колдунью. Освещение изменилось, и, хотя в римских переулках лучи солнца не достигают земли, девушка понимает, что солнце перешло на другую сторону крыш. Кто знает, сколько времени она провела у колдуньи...

Теперь ей надо спешно уходить.

Источник Анны Перенны

На следующий день женщина, под предлогом визита к родственнице, выходит из города вместе со своей повивальной бабкой. Они идут по Фламиниевой дороге. Почти сразу по правую руку вырастают желтые гребни, покрытые лесом. Это «холм», возвышение, дошедшее до наших времен, на котором ныне располагается римский квартал Париоли. Теперь здесь густонаселенная часть города, но участок леса сохранился до сих пор в самом центре – один из зеленых островков столицы. Деревья, на которые бросают беглый взгляд автомобилисты и прохожие, – прямые потомки тех, что росли в священной роще римской эпохи.

Женщины сошли с Фламиниевой дороги и шагают по проторенной тропе в направлении низины около «холма». Вокруг них – священная роща, место необыкновенной красоты. Тишина, только пение птиц. Как все здесь разительно отличается от римского хаоса! По сторонам низины среди деревьев располагаются гроты, посвященные нимфам. Эти рощи неприкосновенны, для римлян они подобны храмам, здесь запрещено рубить деревья. Впрочем, и в обычном лесу надо быть осмотрительным, прежде чем рубить дерево, ведь римляне считают, что, например, под дубовой корой обитают нимфы-гамадриады, чья жизнь тесно связана с жизнью дерева. Поэтому, прежде чем рубить дерево, необходимо, чтобы жрец совершил обряды для удаления нимф.

В центре низины, на лугу, бьет источник. Он обнесен кирпичной кладкой, с центральной емкостью, где собирается вода, и боковыми, из которых священную воду могут черпать верующие.

Этот источник посвящен божеству с необычным именем: Анна Перенна. Не следует думать, что речь идет о каком-то лице.

Это божество, в чьем ведении находится годичный цикл с его постоянным обновлением. Не случайно одно из пожеланий, которое вы можете услышать от римлян, звучит так: «*Annae peregrinae comode*», то есть что-то вроде «Пусть год будет удачным от начала и до конца», – наиболее часто эти слова можно услышать в начале нового года.

А кстати, когда у римлян наступает новый год? В императорскую эпоху – 1 января, а в республиканскую – в знаменитые мартовские иды, то есть 15 марта. Тысячами стекаются римляне на празднество вокруг священного источника Анны Перенны. И по словам древних, выглядит это впечатляюще.

Новый год у римлян: Вудстокская ярмарка античности

Представьте себе длинную процессию, выходящую из Рима и направляющуюся сюда пировать, петь, веселиться. Вдоль Фламиниевой дороги расставлены столы, но почти все располагаются на траве, будто на огромном пикнике. Люди поют, танцуют, хмелеют (некоторые тосты содержат невыполнимые задачи: по кубку вина за каждый год, который намереваешься прожить...). Все это напоминает наш Новый год. Даже больше: празднество выглядит как древний Октоберфест.

А может, и того похлеще...

По словам Овидия, событие проходит очень весело и имеет откровенный эротический характер. Люди пьют и занимаются сексом. Овидий рассказывает, что женщины, распустив волосы, распевают куплеты с сексуальным содержанием. Действительно, праздник представляет собой своего рода инициацию, и многие девушки во время него теряют невинность.

В обстановке, слегка напоминающей Вудстокскую ярмарку, парочки возлежат на траве или спрячутся в импровизированных шалашах из ветвей, тростника и одежды. Ученые полагают, что обломки дерева, найденные в центральной ванне источника, могут быть остатками этих импровизированных шалашей.

Источник был обнаружен во время строительства подземного паркинга. В ходе раскопок под руководством профессора Марины Пираномонте из Главного археологического управления Рима было найдено множество предметов, которые бросали в воду в качестве приношений. Например, яйца (символ плодovitости и плодородия). Или шишки (символ плодovitости и целомудрия). И другие предметы, вызвавшие интерес археологов, связанные не с культом Анны Перенны, а с магическими обрядами наведения порчи.

Магические предметы

В ходе раскопок были найдены: великолепный *saccabus* (котел для колдовства), не меньше пятисот монет, которые римляне бросали в священных и значимых местах, как многие делают и сегодня. Подобно современной эпохе, монеты эти никогда не бывают ценными: в основном это ассы, равные по стоимости четверти сестерция (приблизительно 50 евроцентов).

Было обнаружено около семидесяти светильников. И странным образом все они почти новые. Зачем нести так далеко за город столько новых светильников и выбрасывать их в источник, на протяжении нескольких столетий? И Овидий, и Апулей описывают магические обряды античной эпохи. Почти все они проводились ночью, следовательно светильники были необходимой вещью как для колдунов, так и для клиентов. И они должны были быть новыми. Те, что были найдены во время раскопок, возможно, связаны с каким-нибудь магическим обрядом или колдовством, а не с культом Анны Перенны. В том числе потому, что на внутренней поверхности шести из них высечена на свинце надпись-проклятие.

Вопрос проклятий (*defixiones*) – интересный, в ванне источника их было обнаружено около двадцати. Речь идет о небольших «листочках», свинцовых пластинах. Свинец – мягкий металл и не подвержен коррозии, поэтому его предпочитают иным материалам. На тонкой пластинке вырезают магические заклинания против какого-нибудь человека, потом ее складывают и помещают в могилу, колодец, реку или источник (например, источник Анны Перенны). Верили, что из всех этих мест был прямой доступ к потусторонней реке или к божествам потустороннего мира, которым и надлежало исполнить проклятие. Любопытно и забавно, что в тексте заклинаний и между особыми «волшебными» буквами (*characteres*), служащими для усиления эффекта, можно прочесть имя жертвы, многократно повторенное, или ее подробное описание (живет там-то, занятие такое-то и т. п.). Все это для того, чтобы божество-«киллер» не ошиблось и не поразило невиновного.

Кто же становился жертвой?

В одной из найденных табличек-*defixiones*, к примеру, вырезана человеческая фигура, указаны имя (*Sura*) и должность изображенного, что-то вроде судьи. У богов загробного царства просят вырвать ему глаза: сначала правый, потом левый (!), ибо, как там написано: «*Qui natus est da vulva maledicta...*»⁴

⁴ «Он был рожден грязным чревом» (лат.). – Примеч. ред.

Римские статуэтки «вуду»

Однако открытие источника Анны Перенны стало известным благодаря находке семи фигурок человека, куколок вуду, использовавшихся в магических обрядах, подобных знаменитым заговорам.

Именно такие мы видели у колдуны.

Лабораторные исследования выявили, что эти фигурки были сделаны из теста, замешенного на молоке. Только одна из них выполнена из воска. У каждой есть глаза, рот, а также груди или пенис – в зависимости от половой принадлежности фигурки. По крайней мере в одном случае намеренно раздроблены ступни. Эти хрупкие статуэтки сохранились до наших дней, поскольку они попали в слой жидкой глины, лишенный кислорода, что помешало бактериям разрушить их за много столетий.

Все они – в свинцовых сосудах, которых всегда три, один в другом: несомненно, это число носит магический характер. «Хребтом» у фигурок служит кость, у одной из них на кости нанесены буквы латинского алфавита. Это соответствует рекомендациям знаменитых греческих магических папирусов, где описываются подобные обряды.

Однако на статуэтках можно обнаружить следы и других обрядов. Например, одна исписана магическими буквами, а в голове глубокая дыра – легко догадаться, чего хотел клиент, заказавший обряд.

Больше других производит впечатление статуэтка, вокруг которой обвилась большая змея с гребнем, кусающая фигурку за лицо. Объятия змеи подкрепляет металлическая пластина, обернутая вокруг жертвы. И в дополнение ко всему еще пластина с проклятиями прибита к фигурке: один гвоздь вбит в пупок, другой в ноги. Возможно, у всего этого есть символический смысл.

Многие римляне пользовались подобными обрядами. Об этом говорит тот факт, что существовало «серийное» производство свинцовых сосудов. Лица, желающие совершить обряд, покупали их и несли к колдуньям. В общем, существовал развитый рынок сбыта подобных предметов, их продажа приносила хорошую прибыль.

Изучая один из сосудов, запечатанный смолой, исследователи заметили отпечатки пальцев. Предмет показали экспертам из полиции, которые заключили, что рука, закрывавшая сосуд, была небольшой, следовательно принадлежала совсем молодому мужчине или... женщине! Вот и подтверждение рассказов древних авторов о колдуньях.

Посылка божествам загробного мира

Молодая женщина и повивальная бабка подходят к источнику. Озираются: никого. Быстрым движением повивальная бабка разматывает кусок полотна, хватает цилиндрический сосуд и подбрасывает его над источником. Цилиндр исчезает из виду, и спустя мгновение раздается плеск воды. Женщины с улыбкой переглядываются...

Источник Анны Перенны долго был средоточием культа, связанного с плодородием, добрыми предзнаменованиями, празднованием Нового года, по крайней мере до III века н. э. В дальнейшем эта религиозная традиция постепенно угаснет, и в V веке окончательно сменится мрачными обрядами с использованием свинцовых сосудов и проклятий.

Женщины удаляются от источника. Их миссия выполнена. На дне главной ванны, среди яиц и шишек, покоится темный сосуд, хранящий просьбу о смерти. Будущая жертва же спокойно едет верхом, направляясь в деловую поездку, и ни о чем не подозревает.

Для наших женщин его смерть отныне лишь вопрос времени... Они уверены в этом. И этой ночью молодая женщина воспользуется отлучкой мужа и снова встретится со своим возлюбленным.

Краски ночи

Цвет ночи отражается в ее глазах. Лунный свет проникает через оконную решетку, рисуя на полу причудливые арабески, вторящие ее узору. Подобно побегам плюща, они прорастают внутрь комнаты, заползают на постель, дотягиваются до подушек, обвивают ее нагое тело, лаская груди и лицо. Свет и тени будто пустились в погоню друг за дружкой на поверхности ее кожи. Вот в островке света мелькнули ее чувственные губы, нежная улыбка. Вот выхвачены из темноты ее глаза, зеленовато-карие. Днем они привлекают взгляды и желания, а теперь, впитав лунный свет, они кажутся двумя звездами, сверкающими в бесконечной вселенной. Но взгляд женщины погружен в другую бесконечность – в бездну ее ощущений.

Вот что-то сверкнуло на ее груди, привлекая наше внимание: подобно бриллианту, капелька пота проступает на коже, вздрагивая в такт последним содроганиям ночи любви. А когда наконец напряжение в теле полностью спадает, подобно тому, как ветер покидает паруса в штиль, каплю эту подхватывают губы мужчины...

После долгого нежного объятия мужчина поднимается с постели. Луна будто играет с его мускулистым телом, в каждом движении обрисовывая плечи и ягодицы. Пройдя через комнату, мужчина выходит на широкую террасу и облокачивается на деревянные перила. Его грудь вздымается, подобно кузнечным мехам. Стоит раскаленная летняя ночь.

Спустя мгновение он слышит легкие шаги женщины и чувствует прикосновение ее тела. Хорошо, что эта терраса в особняке на вершине Квиринала всегда овеивается легким ветерком. Они долго молча стоят, обнявшись, любясь грандиозным зрелищем. Перед ними раскинулся великолепный вид, один из прекраснейших за всю историю человеческой цивилизации: город Рим в апогее своей красоты и могущества.

Освещенный полной луной, Вечный город кажется безграничным. Его здания простираются везде, куда может проникнуть взор. Ближайшие легче разглядеть. Вокруг высятся огромные инсулы, похожие на наши многоквартирные дома, с белыми оштукатуренными стенами и черепичными крышами. Темные пятна окон с распахнутыми ставнями. Силуэты балконов, многие украшены цветами, как в наше время. Можно разглядеть и балконы, полностью забранные решетками, подобно тем, что сегодня распространены в Индии. Они похожи на шкафы, подвешенные на стенах зданий.

За окнами темнота, люди спят. То там, то тут свет фонаря выхватывает сценки повседневной жизни, не стихающей с приходом ночи. Огоньки светильников и фонарей рассыпались по городу, превращая его в галактику жизни, парящую в ночи.

Днем миллионный город погружен в хаос звуков, ночью же все иначе. Где-то тишину нарушает журчание городского фонтана, где-то лай собаки, чья-то перебранка...

А еще ночь – время доставки товара в лавки, магазины, термы... Грохот повозок, возгласы возниц на перекрестках, ругань недовольных задержкой товара лавочников молниями пронзают улицы и кварталы.

Тем не менее Рим ночью обретает свое очарование, вполне ощутимое и сегодня во время ночной прогулки по его улицам.

С высоты Квиринальского холма, названного так по храму, посвященному Квирину – божеству доримской эпохи, можно различить в свете луны темные очертания некоторых из семи холмов и знакомые контуры Колизея.

Влюбленные шепчут слова любви, соприкасаясь головами. Их взгляды обращены на силуэт огромного амфитеатра, все четче проступающий в светлеющем предрассветном небе. Белоснежная мраморная громада с факелами и фонарями, подвешенными к сводам арок, словно магнит, притягивает их взгляды. Они не ведают, что чуть дальше, где они замечают какие-то огни, происходит что-то важное. Это что-то и позволит нам совершить необыкновен-

ное путешествие до самых затерянных уголков Римской империи, через самые величественные ее места. Наш путь берет начало в ужасном месте. Совсем недалеко от Колизея располагается настоящий ад. Это монетный двор.

Рождение сестерция

Здесь удушающе жарко: на улице нечем дышать, а тут настоящее пекло. Желто-оранжевый свет масляных ламп обволакивает все в помещении. Наше внимание привлекает длинная стена за тяжелой дверью с накладками. Штукатурка кое-где отвалилась, по потрескавшейся поверхности скользят темные тени. Появляются, дергаясь в неистовой пляске, снова исчезают. Отголосок происходящего в этом большом зале. Что же там творится?

Пройдем в дверь. Могучие удары сотрясают воздух, гулко отзываясь в голове. Слышен звон металла. Мы оборачиваемся, и перед глазами предстает дантовская сцена: потные полуголые мужчины стоят группами, над ними мы видим тяжелые молоты, поднимающиеся и с грохотом опускающиеся. Здесь рождаются сестерции, которые имеют обращение в империи. И не только они: в разные периоды года здесь чеканят и серебряные денарии, золотые ауреусы и всякого рода бронзовые (дупондии) и медные (ассы, семиссы) монеты.

Согласно строгой монетной системе, введенной Августом, заложившим основы торговли в Римской империи, один ауреус (золотая монета) соответствует:

- 25 денариям (серебряная монета);
- 100 сестерциям (бронзовая монета);
- 200 дупондиям (бронзовая монета);
- 400 ассам (медная монета);
- 800 семиссам (медная монета).

Подойдем к одной из групп. С изумлением мы понимаем, что эти люди – рабы. Они принадлежат к так называемой *familia monetalis*. За ними надзирают и следят. В зависимости от периода года они работают непосредственно с серебром или золотом. Подобные операции требуют огромного внимания от охранников. В конце смены рабов поочередно подвергают особо тщательному обыску, чтобы предотвратить кражи. Чистят щеткой сандалии, проверяют волосы, заглядывают в рот и т. д. Даже пол сделан из решетки, чтобы можно было подобрать все упавшие кусочки металла.

Сегодня чеканят сестерции, и мы увидим, как они рождаются. Первый этап – изготовление бронзовых стержней.

В соседнем помещении расположен небольшой плавильный цех, где готовят металл, там невероятно жарко. Кузнец достает тигель из плавильной печи с помощью длинных щипцов и выливает его содержимое в форму из огнеупорной глины. Льющаяся бронза – густая обжигающая жидкость – заполняет форму. Из входного отверстия вылетает облачко дыма, кузнец щурится, его глаза воспалены от непрерывной работы. Лицо покраснелось и горит ярче его рыжих волос. Теперь надо дождаться, пока металл остынет. Тем временем другой раб вскрывает уже остывшие глиняные формы и достает бронзовые заготовки.

Их нарежут кружками, подобно колбасе. Каждый кружок – будущий сестерций. Конечно, придется их слегка обработать, чтобы придать идеально круглую форму (вот почему на жаргоне он зовется кругляшом). Заготовка пока еще без надписей и изображений. Ее тщательно взвешивают. Это очень важный этап, ведь стоимость монет определяется не их номиналом, а их весом (в отношении золота это кажется само собой разумеющимся, но тот же принцип применяется и для бронзовых сестерциев, серебряных денариев и т. д.).

Затем заготовку снова подогревают и передают работникам, которые отчеканят профиль императора на одной стороне, а все надписи и изображения – на другой (орел и решка, проще говоря).

Вот мы рядом с этими людьми. Они изнурены непрерывным трудом и жестокостью охранников, карающих, подобно тюремщикам, за каждый промах.

Один из рабов, удерживая щипцами раскаленный кругляш, кладет его на маленькую круглую наковальню. Причем не как попало, а точно в центре, где расположен чекан, то есть вырезанное изображение императора. При ударе этот чекан будет отпечатан на одной стороне будущей монеты. А как быть с другой стороной? Точно так же. Пока раб держит заготовку монеты в середине наковальни, другой раб ставит на нее металлический цилиндр с обратным чеканом. Все готово для удара молотом. Третий раб заносит над головой массивную кувалду.

Трое обмениваются взглядами. Раб с молотом, рыжеволосый великан-кельт, мощным ударом рассекает воздух. Двое других закрывают глаза. Сириец крепко зажмуривается, темные глаза исчезают в морщинах. Сверкают стиснутые зубы африканца.

Удар столь силен, что решетчатый пол сотрясается. Все на миг оборачиваются, даже охранник соседней группы. Удар подобной силы – исключителен. У сирийца гудит в ушах, по рукам бегут мурашки. Он благодарит богов, что гигант не промахнулся и не раздробил ему кисти. Африканец молчит. Рыжеволосый кельт бросает удовлетворенный взгляд. Неожиданно столь заурядная операция приковывает всеобщее внимание. Все смотрят на монету. Старший чеканщик берет ее щипцами. Это полный мужчина с курчавой бородой. Он всматривается. Удар был идеальным. Лицо императора точно в центре. Надписи читаются. Но есть и недостаток: с одной стороны монета дала трещину. Никто в этом не виноват. Чекан, как говорят, «устал», слишком много им сделано сестерциев, возможно, он треснул. Мужчина бросает монету в ящик со свежотчеканенными сестерциями. Затем криком велит рабам немедленно возобновить работу. Троица вновь берется за чеканку. На этот раз удары не такие сильные.

Мало кто представляет себе только что выплавленную бронзу, по оттенку она похожа на золото. Монета с трещиной сверкает, как живая. На ее поверхности отражаются, как в древнем зеркале, фигуры рабов, продолжающих чеканить другие монеты...

Этот сестерций станет нашим проводником по Римской империи и за ее пределами. Никто здесь, на монетном дворе, даже представить себе не может, насколько невероятным будет это путешествие.

Лондон

Изобретения римлян

На заре долгого путешествия

Солдат свистит. Рослые белые кони начинают тянуть толстые канаты, привязанные к большим кольцам на двух тяжелых деревянных створках ворот. Давно бездействовавшие петли сначала скрипят, потом выпускают облачка пыли и наконец поддаются с протяжным металлическим стоном.

Створки ворот медленно раскрываются, подобно рукам сонного гиганта. Освещенные восходящим солнцем, они отбрасывают широкие черные тени на стены форта, изъеденные лишайником. Мрачному скрежету петель вторят сухие, типично военные приказы, отдаваемые на латыни с сильным германским акцентом. В этом небольшом форте расположилось подразделение солдат вспомогательной части, тунгров⁵, выходцев с земель к северу от Арденн, «романизированных» несколько поколений назад.

Тяжелые створки еще не успели полностью распахнуться, как из форта вылетела галопом турма – конница из тридцати всадников. Это военные курьеры. На лошадях навьючены только что отчеканенные монеты. Они везут их в самые удаленные уголки северной части империи: форты, столицы провинций, резиденции наместников, ключевые для экономики империи города, стратегические аванпосты...

Так принято: как только отчеканят новую монету, ее следует тотчас же разослать в четыре окраины империи. В эпоху, когда не существует ни телевидения, ни радио, ни телефона, монета является не только экономическим инструментом, но и орудием пропаганды и средством информации. Даже так: монета – настоящий боевой листок императора. С манифестом и провозглашенными (и достигнутыми) целями...

Действительно, на одной стороне – его лицо в профиль. Император Траян серьезен, увенчан лавровым венком, голова обращена направо, как велит традиция. Скрытый текст послания подданным обнадеживает: самое могущественное лицо империи (единственный, чья должность пожизненная) верит в традиционные ценности, он солдат, «сын» Сената, избранный императором Нервой, почитающий традицию и преемственность.

На другой стороне монеты – достигнутая цель. Иногда это памятник, возведенный им для римского народа, например Большой цирк, новый порт в Остии, величественный мост через Дунай, большой акведук для Рима, форум в центре города и т. п. Это может быть изображение военной победы над очередным народом, например над Дакией (территория современной Румынии), который представлен фигуркой побежденного.

Порой изображают божество с вполне определенным значением (Изобилие, Провидение, Согласие и т. д.), в знак того, что боги благосклонны к императору.

Любое завоевание, новый памятник, назначение или избрание должны достичь ушей всех подданных империи, подобно радионовостям при тоталитарном режиме. Монета служит именно этой задаче: с ее помощью самый могущественный человек империи общается со своими подданными.

Можете представить себе, сколь важное значение это приобретает, когда приходит к власти новый император: за несколько часов успевают отчеканить новые монеты с изображением его профиля, чтобы разослать во все уголки империи. Изредка для их изготовления исполь-

⁵ Tungri – племя, обитавшее в Северо-Западной Европе, на территории Бельгии (по Г. Л. Чизмену). – *Примеч. ред.*

зуют чекан с профилем предыдущего, только что скончавшегося императора, «подправляя» черты его лица (своего рода «фотошоп» античности). Но гораздо чаще за работу принимаются настоящие гении резца, спешно изготавливающие чекан с профилем нового правителя, – благодаря изображению на монете вся империя будет знать его «в лицо».

Важность имиджа для политика не является изобретением современности: римляне одними из первых поняли его действенность и активно пользовались им. За отсутствием телевидения или газет они по максимуму использовали все имевшиеся на тот момент «средства массовой информации»: монеты и статуи, надписи на каменных плитах и зданиях, барельефы на памятниках и т. д.

В обычных ситуациях, подобных нашей, сестерции изготавливают с большим старанием, потребители остаются довольны. И вот этот миниатюрный шедевр, клонированный сотысячным тиражом, готов к отправке во все концы империи.

Монеты, путь которых мы решили проследить, представляют собой «пропагандистскую листовку».

Остальные тысячи монет-близняшек ожидает тривиальная судьба. С монетного двора они поступят в казну и оттуда начнут обращение, сперва в Риме, переходя из рук в руки на рынках, в лавках, в харчевнях. Постепенно они окажутся повсюду, перемещаясь вместе с торговцами, путешественниками, на судах и т. д. Их повсеместному распространению будет способствовать также деятельность менял и таких персонажей, как аргентарии (человеческий аналог современных банков).

Естественно, не все монеты будут расходиться одинаково. Серебряные перемещаются быстрее: их стоимость выше, а размер небольшой, так что они идеальны в путешествиях. Приличная сумма в этих монетах занимает мало места и весит совсем немного (вроде наших сегодняшних банкнот достоинством 50 и 100 евро).

Золотые же монеты проникнут еще дальше, ведь золото повсюду пользуется спросом и его ценность признается всеми. Представьте себе: археологи нашли римские золотые монеты даже в дельте реки Меконг, во Вьетнаме, а также в Северном Афганистане. Римляне туда не добрались, а вот их деньги – да, стараниями местных торговцев.

Сестерции – совсем другое дело: они в ходу преимущественно вблизи места своей чеканки, ведь стоят они меньше. Но и среди них найдутся путешественники, как наш экземпляр, за перемещениями которого мы сейчас следим.

Турма всадников в походе уже многие дни: они перевалили через Альпы, пересекли Галлию, перебрались через Ла-Манш на судах. Высадившись на берег в Дубрисе (Дувр), в Британии, они переночевали в небольшом форте, непривычном к подобным визитам (скрип главных ворот подтвердил нам, что их открывают редко). По пути, в каждом важном городе или крепости, они вручали, согласно указаниям, небольшое количество монет командующим или уполномоченным чиновникам. И двигались дальше.

Вот турма всадников в развевающихся красных плащах вновь пустилась в галоп, двигаясь на север. Конечная цель их пути – граница империи, сегодня мы называем ее Адрианов вал. В дальнейшем граница будет сдвинута вперед возведением второй линии укреплений, вала Антонина Пия. Но прежде чем достичь границы, они должны посетить важный пункт: Лондон.

Солдат вспомогательных войск, стоящий часовым в форте, который они только что покинули, шурится, пытаясь не потерять из виду отряд удаляющихся всадников, крошечное цветное облачко, скользящее вдоль длинной дороги из мелкой гальки.

Когда турма скрывается за горизонтом, солдат обращает взгляд к небу, вглядываясь в другие облака. Те бегут низко, будто пытаясь нагнать курьеров, не обещая ничего хорошего, готовые вот-вот пролиться дождем. Солдат поправляет шлем на голове и морщится. В Британии погода никогда не меняется, что летом, что зимой – постоянно дождливо...

Лондон – римское «изобретение»

Конный отряд в пути уже много часов, по дороге им попадались небольшие повозки торговцев и группки пеших путников. Воины понимают: город уже близко, людей на дороге встречается все больше. Вот появляются первые деревянные дома, в основном хижины, то там, то сям по обочинам дороги. Спустя некоторое время строений становится все больше, пока они не образуют сплошную стену по обеим сторонам. Продвигаясь вперед по этому городскому «проспекту», всадники рассчитывают добраться до центра города, возможно до форума. Однако их ждет сюрприз: они ошеломленно переглядываются, остановившись. Дорога кончилась, путь преграждает огромная река. Это Темза. На противоположном берегу – Лондон.

Во II веке н. э. его действительно невозможно узнать. Небольшой городок. Никто и представить не может грандиозный мегаполис, что вырастет здесь через две тысячи лет.

Однако есть кое-что, сближающее его с современным Лондоном: длинный мост через Темзу, с разводной центральной частью, позволяющей пропускать суда. Что удивительно, этот древнеримский предок Лондонского моста стоял в том же месте, как выяснили несколько лет назад английские археологи. В отличие от современных мостов он не железный, а деревянный. Тридцать всадников перебираются по нему на другой берег.

От ударов конских копыт мост гудит, подобно гигантскому тамтаму. Это привлекает внимание рыболовов на берегу и моряков на пришвартованных судах. Многие прохожие останавливаются поглазеть на красные плащи всадников. Всадникам, правда, тоже есть на что подивиться: никто из них не был тут прежде, и они с любопытством разглядывают приближающийся город.

Мы вот-вот сойдем на тот берег реки, где в будущем возникнет Сити, но ощущение такое, что ступаешь на другой континент. Ни одной многоэтажки, только низенькие деревянные домики. Небоскребы вырастут еще не скоро... Да и не только они: те места, где в будущем появятся символы города – Букингемский дворец, Вестминстерский дворец с Биг-Беном, даже дом 10 по Даунинг-стрит, резиденция премьер-министра Великобритании, пока еще представляют собой пересеченную речушками сельскую местность. То же самое с местами паломничества туристов – Трафальгарской площадью, магазином Harrod's, площадью Пикадилли или Риджент-стрит...

Лондон, или Лондиниум, как его называли, действительно римское «изобретение». До прибытия легионов здесь была сельская местность, с песчаными островками на Темзе. Но именно римляне приняли решение основать в этом месте Лондон. Почему?

На мосту становится понятна основная причина: Темза здесь сужается (облегчая задачу строительства моста), но при этом достаточно глубока, что позволяет грузовым судам причалить к ее берегам. И действительно, у города имеется длинная пристань, где пришвартованы большие и малые транспортные суда, многие из них парусные.

У пристани кипит лихорадочная жизнь: с одного судна сгружают амфоры с вином, прибывшие из Италии, с другого, только что приплывшего из Галлии, – изящную керамику терра сигиллата, ярко-красного цвета, с рельефными фигурками и узорами, использовавшуюся на торжественных пирах. И многие другие товары: льняные ткани и туники из Египта, изящные кувшины из выдувного стекла из Германии, амфоры с гарумом из Южной Испании...

Любопытно, что при этом отсутствуют склады больших размеров (на всем протяжении порта археологам удалось найти лишь два таких). Это означает, что товары не складировали, а сразу же переправляли дальше. Длинные лондонские причалы, таким образом, служили чем-то вроде аэропорта, откуда товары перемещались вглубь острова.

Все это указывает на то, что город находится в самом расцвете своего развития, являя черты типично римские, а никак не кельтские.

Лондон родился из ничего не в силу военных соображений, а в интересах торговли. Действительно, археологи не обнаружили следов лагеря легионеров, из которого впоследствии развился бы город, – столь частого явления для других мест. Иначе говоря, именно деньги, в том числе сестерции, предопределили рождение Лондона: город находится в правильном месте для доставки морем всевозможных товаров империи, которые затем развозятся по всей Британии.

В обмен Британия поставляет империи множество собственных товаров: от рабов до охотничьих собак и минералов...

Забавно, что Лондон родился для торговли и что его изначальное ядро возникло в том же месте, где сегодня находится Сити, финансовый центр Лондона и Великобритании. Его коммерческий фундамент, можно сказать, присутствовал в нем с самого основания...

Сборные конструкции Лондона

Мы добрались до конца моста и вместе с турмой входим в город. Больше всего нас поражает, что Лондон выглядит невзрачным захолустным городишком. Все дома вокруг деревянные и невысокие, не выше двух этажей. Улицы зимой грязные, а летом пыльные. По ним движутся лошади, пешеходы, повозки... Все это совсем не похоже на города из мрамора и кирпича, типичные для Средиземноморья. Действительно, здесь каменная кладка – редкость.

Всадники минуют строящийся дом и с любопытством обнаруживают, что он большей частью представляет собой сборную конструкцию из готовых блоков. Лондиниум строится с помощью хорошо знакомой нам технологии. Почти каждый дом имеет каркас из дубовых брусьев с идеально совместимыми пазами. Брусья привозят в готовом виде, и строителям остается лишь собрать конструкцию.

Система простая: вы когда-нибудь видели, как устроена приставная деревянная лестница? У нее два длинных бруса с отверстиями, куда плотно вставляются поперечины.

Так вот, стены домов Лондиниума имеют весьма похожую конструкцию. Строители кладут на землю толстый брус с заранее проделанными отверстиями, вставляют в них вертикально тонкие брусья и замыкают конструкцию сверху еще одним толстым брусом с отверстиями.

В общем, каждая стена напоминает огромную лестницу, опрокинутую одним боком на землю. Соединяя между собой несколько подобных конструкций, получают каркас дома. Затем стены заполняют кирпичами из высушенной глины или горизонтальной деревянной обрешеткой (получается что-то вроде шведской стенки), куда вплетают вязанки хвороста, не забывая оставить проемы для окон и дверей. И наконец сверху «намазывают» штукатурку.

Хитроумная система пазов в брусьях, которые позволяют соединять их по диагонали в просвете стены, придает конструкции дома прочность и надежность. Этот конструктор в стиле лего покрывается широкой крышей со многими стропилами. Большая часть кварталов римского Лондона была построена подобным образом, а-ля ИКЕА.

Но не только постройки Лондиниума поражают тридцать всадников, прибывших из Рима, но и его жители. Они белолицые, веснушчатые, белокурые или медноволосые, что типично для кельтских народов. Темная кожа и кудри встречаются редко, преимущественно среди рабов, торговцев или солдат. Обратная картина той, что мы видим в средиземноморских городах империи. Очевидный факт, но в книгах об этом не прочтешь. А здесь такое различие само бросается в глаза...

Юноша восьмидесяти лет, переживший трагедию

Лондон – совсем юный город Римской империи: ему меньше восьмидесяти лет! Поражает, насколько поздно вся Британия была присоединена к империи. Для ориентира: когда распяли Иисуса Христа, Британия была большим островом за пределами империи. Прошло еще десять лет, прежде чем Клавдий в 43 году решил захватить этот остров и устроил там исторически знаменитый D-Day, только наоборот⁶.

Римские легионы и торговцы постепенно проникли в Британию и распространились по всей территории.

Спустя несколько лет был основан Лондон (остатки деревянного дренажного канала по обочинам римской дороги указывают на 47 год как дату основания города). Немалым мужеством надо было обладать, чтобы жить в те времена в Сити: местность граничила с землями, где находились очень враждебные племена. И действительно, спустя чуть более десяти лет после своего основания Лондон был стерт с лица земли женщиной Боудиккой⁷, возглавившей объединенное войско племен, восставших против римлян.

Шел 60 год н. э., и, как рассказывает Тацит, повстанцы к тому времени уже разрушили город Камулодунум (современный Колчестер), победили один легион и двигались на Лондон. Легионеры, посланные на защиту города, были слишком немногочисленны, чтобы противостоять врагу, наступавшему большим войском, и было принято решение пожертвовать городом, чтобы спасти провинцию, – отдали приказ о стратегическом отступлении. Тацит далее пишет: «Ни мольбы, ни слезы взывавших к нему⁸ о помощи горожан не поколебали его решимости, и он подал сигнал к отступлению, взяв с собою в поход пожелавших ему сопутствовать; те, кого удержали от этого, были истреблены врагами»⁹.

Реакция римлян не заставила себя долго ждать. В крупном сражении легионы Светония разгромили восставшие племена, и Боудикка, как полагают, покончила с собой, приняв яд. Тацит говорит о 70 тысячах погибших – настоящая бойня.

Таким образом, тот Лондон, что мы видим вместе с всадниками, несмотря на свой юный возраст, уже пережил разрушение и возрождение.

⁶ D-Day – День Д (от *англ.* Disembarkation Day – *букв.*: День высадки) – Вторжение союзников в Европу. Произошло 6 июня 1944 г., когда войска союзников высадились на побережье Нормандии, Франция. Это была крупнейшая в мировой истории морская десантная операция. С точки зрения советских и российских историков, эта дата фактического открытия второго фронта во Второй мировой войне. Сравнивая операцию императора Клавдия с Днем Д, автор иронизирует, поскольку в данном случае Клавдий захватчик, а не освободитель. – *Примеч. ред.*

⁷ Боудикка (*рим.* Боадицея) – была женой Прасутага, вождя кельтского племени иценов. После смерти мужа ее королевство было аннексировано, земли конфискованы, а имущество описано. Согласно Тациту, Боудикку прилюдно выпороли, а ее дочерей изнасиловали. Она возглавила войско, в основном состоявшее из кельтских женщин, и отомстила римлянам. Однако в решающей битве, происшедшей между современными городами Лондоном и Колчестером (Camulodunum), Боудикка все же потерпела поражение и вместе со своими дочерьми попала в окружение. Но она и девушки предпочли яд римскому плену.

⁸ К римскому полководцу Светонию. – *Примеч. ред.*

⁹ Цит. по: Корнелий Тацит. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

Встреча с наместником провинции

Турма пересекла город и добралась до выходящего на Темзу дворца наместника провинции. На площади перед дворцом, с привычной педантичностью, всадники построились в ряды, как на перекличке в казарме: три ряда по десять, по бокам декурионы¹⁰.

Согласно классической военной римской иерархии, первый избранный декурион руководит двумя остальными. Именно он сейчас вместе со своим заместителем, белокурым великаном-батавом (то есть «голландцем»), направляется во дворец, у входа которого застыли в карауле двое стражников.

Представившись, он вручает начальнику охраны скрепленный печатью свиток для наместника. Ожидая приема у одного из чиновников из канцелярии наместника, он разглядывает дворец, резко контрастирующий с остальной архитектурой города.

Здание живописно красуется на берегу Темзы, располагаясь на нескольких уровнях, с длинными колоннадами, нишами, бассейнами и террасами. С того места, где он стоит, декурион может охватить взглядом только одно крыло, а с противоположной стороны, очевидно, находится другое, симметричное первому. Взгляд декуриона падает на беломраморные капители, колонны и статуи из самых знаменитых каменоломен Средиземноморья. Он прикидывает расходы на строительство такого красивого здания в столь удаленном месте.

Подобный дворец он видел только в Колонии¹¹, когда служил в Германии. Это тоже был дворец наместника провинции, также располагавшийся на берегу реки, на этот раз Рейна... «Тот же архитектор или то же желание поразить?» – думает он...

Однако ход его мыслей прерывает мужчина за спиной, приветствующий декуриона ударом ступни о землю. Шум металлических нашлепок на подошвах сандалий выдает его принадлежность к воинскому сословию. Декурион оборачивается, сверкнув голубыми глазами. Это один из телохранителей наместника, он просит декуриона следовать за ним.

Войдя в тяжелые дубовые ворота, они минуют несколько изящных залов и небольших дворики. Шаги гулко отдаются в пустоте, здесь возвышаются лишь статуи императора, с фонтанчиками. В других, служебных помещениях им попадаются чиновники администрации, со свитками под мышкой.

Декурион шагает рядом с телохранителем наместника: ему неприятно идти позади него, к тому же от телохранителя несет духами. Солдат, пользующийся духами, изнеженный жизнью во дворце. Прошли времена Боудикки! В Лондоне теперь спокойно.

Двое поднимаются по широкой лестнице, на верхней площадке стражники вытягиваются по стойке смирно, приветствуя их. За ними виден большой сад, окруженный изящной колоннадой. На глаз его площадь 40 на 20 метров. В центре – длинный бассейн со скругленными бортами. Декурион замечает статуи, из которых бьет струей вода, низкую ухоженную живую изгородь и большие ниши, где расположены гроты нимф. Настоящий рай по сравнению с тем, что он видел в городе по дороге сюда.

Телохранитель знаком приказывает ему остановиться. Спина к ним стоит человек. Он смотрит на Темзу, опершись руками о парапет. Его взгляд прикован к паруснику, входящему в порт на всех парусах. Он вздыхает и оборачивается с вопросом: «Что нового в Риме?»

Это красивый загорелый мужчина: волосы с проседью, длиннее, чем полагалось бы при его должности, усталые глаза глубоко-синего цвета. Поражает его улыбка, открытая, искренняя, со складками в уголках рта, открывающая белоснежный ряд зубов. Это Марк Аппий Брэдда, совсем недавно назначенный на эту должность. Нам он весьма напоминает актера Рекса

¹⁰ Декурион – командир декурии (лат. decuria), отряда в 10 человек. – Примеч. ред.

¹¹ Современный Кёльн.

Харрисона (исполнившего роль папы Юлия II в фильме о Микеланджело «Агония и экстаз», где художника сыграл Чарлтон Хестон). Декурион удивлен и немного смущен непосредственностью наместника, которого он встречает первый раз в жизни. Он хорошо знает, что такие люди могут быть лживыми и безжалостными. Но в данном случае он испытывает невольную симпатию к этому человеку.

Наместник Аппий Брадуа недавно прибыл в Лондон – его загар из прошлого, когда он исполнял другую должность на берегах Средиземного моря. И его ностальгия по теплым краям вся сосредоточена во взгляде, которым он следит за парусником, входящим в порт.

Он вглядывается в декуриона, потом поднимает руку: в пальцах поблескивает монета. Один из сестерциев, привезенных сюда турмой. Да нет, это именно наш сестерций! Как ему это удалось?

На мраморном столике под колоннадой декурион видит один из открытых мешков с монетами. Наместник сделал ловкий ход, приказав сдать ему причитающиеся монеты, не дожидаясь формальной процедуры передачи. На то у него и власть.

Декурион удивлен и слегка уязвлен, он понимает, что именно благодаря этой способности предвосхищать и опережать шаги противника Марк Аппий Брадуа так высоко взобрался по лестнице власти.

Наместник угадывает настроение декуриона и щелкает пальцами, чтобы подали два кубка вина. Формальности отброшены. Наместник попросту, без условностей этикета, беседует с декурионом, выслушивает римские новости о дворе, о важных персонах, а также интересуется настроениями на римских улочках, в Большом цирке и по пути в Лондон. Во время беседы он крутит в пальцах сестерций, часто подносит его к лицу и рассеянно стучит им по губе.

В конце разговора он вглядывается декуриону в глаза, раскрывает его ладонь, кладет в нее сестерций и снова закрывает, сверкнув белоснежной средиземноморской улыбкой: «В память о нашей встрече». Затем отворачивается и вновь погружается в созерцание парусника. Паруса сложены, началась разгрузка товара.

Декурион уходит в сопровождении все того же надушенного телохранителя. На выходе из сада он бросает взгляд на сестерций, лежащий на его ладони. Что-то он тяжеловат для бронзовой монеты... И действительно, он не один. Наместник дал ему еще и серебряную медаль с символическим изображением победы. Очередной «трюк» этого удивительного человека. Улыбнувшись, декурион спускается по лестнице.

Когда Сити был городом Дикого Запада

Тридцать всадников расположились на ночлег в форте Лондиниума, в северной части города. В мирное время он не столько служит для защиты, сколько используется для размещения войск.

Наконец-то настало время заслуженного отдыха в термах. Здание терм одно из немногих больших строений в городе, оно выстроено на берегу Темзы в долине, где состоялась встреча с наместником.

Лучшее время для посещения терм – обеденное, когда вода, как все говорят, самая горячая. Накупавшись и насладившись массажем, многие воины направляются в бордели на поиски любовных приключений.

А старший декурион вместе со своими двумя коллегами решает совершить прогулку по будущему кварталу Сити.

После роскоши дворца наместника и гидравлического совершенства терм город представляется им весьма неказистым. Он очень напоминает поселения... Дикого Запада.

И это не случайный пример, ведь как европейские переселенцы продвигались на запад на Североамериканском континенте, так же и римляне движутся по Европе, постепенно перемещаясь... к западу. А Британия – одна из точек «дальнего» Запада... поистине «Far West».

И точно так же, как первые привезли с собой в земли индейцев технический прогресс, городскую культуру и образ жизни, характерные для западной цивилизации XVIII–XIX веков, римляне распространили свою культуру в землях галлов, британцев и германцев. Со схожими в целом проблемами и их решениями.

Лондиниум эпохи Траяна действительно во многих деталях напоминает те самые городки Запада: помимо деревянных домиков, здесь есть магазинчики, где торгуют всем понемногу, как в поселковых лавочках первопоселенцев. Имеются трактиры, где можно пригласить в номера девушек, прислуживающих за столиками. Изобилуют конюшни и кузницы, цирюльники при случае могут и зуб вырвать, а порой улицу переходит «индеец»-кельт, украшенный символами своей культуры: татуировкой и узорами своего племени, вместо туники – рубаха и штаны в клетку, как на пледе.

Поражает мысль, что здесь через две тысячи лет будут снова деловые люди в котелках, знаменитые черные такси, красные двухэтажные автобусы и «роллс-ройсы» банкиров... На фоне высоченных стеклянных небоскребов...

А пока что стекло редкость. И хотя Лондон стал столицей Британии, одной из сорока пяти провинций империи Траяна, застекленные окна – роскошь, которую не многие могут себе позволить: стекло все еще слишком дорогое удовольствие в этих удаленных местах.

Прогулка по Сити: самая древняя стиральная машина?

Один из трех декурионов остановился купить великолепный торквес¹², нагрудное украшение кельтских воинов в форме подковы, которое предлагает ему бродячий торговец вместе с другими изделиями из бронзы и железа, среди которых прекрасный погнутый кинжал, – все они явно происходят из разграбленного захоронения: мечи и кинжалы покойника сгибались, чтобы ими нельзя было больше пользоваться.

Другие декурионы, дожидаясь товарища, заглядывают в дверь, из-за которой слышны странный шум воды, скрежет ржавого металла и скрип дерева. Внутри темно, можно лишь догадываться, что помещение очень просторное. Скоро глаза привыкают к темноте, и декурионы видят происходящее: с одной стороны много маленьких ванн, а с другой – людей, движущихся как бы в замедленном ритме, при слабом свете фонарей. Это рабы, они медленно шагают внутри двух деревянных колес, похожих на беличьи колеса в клетках, только эти колеса – по три метра в диаметре!

Вращаясь, они приводят в движение другие колеса, меньше размером, которые тянут вверх длинные цепи с ведрами, полными воды. Так извлекается вода из колодцев пятиметровой глубины. Движение никогда не прекращается, потому что цепи, как в наших велосипедах, образуют замкнутое кольцо, вращающееся бесконечно... Зачем все это нужно?

Декурионы, стоящие на пороге этого странного места, тоже озадачены.

Мальчик-раб почтительно просит их дать ему пройти. В руках у него кучка грязной одежды. Двое провожают его взглядом. Он опрокидывает свой груз в одну из ванн. Декурионы понимают, что перед ними – огромная прачечная. Никто из них никогда не видел подобного. Даже в современную эпоху это место вызывает большое любопытство.

Когда несколько английских археологов объявили об открытии этого удивительного места, в сентябре 2001 года, многие окрестили его «самой древней стиральной машиной в истории». Несмотря на свою некоторую громоздкость, она была способна удовлетворить потребности тысяч лондонцев римской эпохи...

Однако не все с этим согласны. И действительно, какой смысл было изобретать «стиральную машину» в эпоху, когда имелись тысячи рабов, готовых выполнить эту работу? Впрочем, и сегодня, несмотря на почти повсеместную электрификацию, вдоль берегов многих рек Индии или Пакистана можно видеть сотни прачек за работой, целый день под палящим солнцем стирающих одежду. Я слышал, что, если у них спрашивают мнение о стиральных машинах, они отвечают, пожав плечами, что у этих машин нет будущего...

Поэтому не исключено, что это странное место на самом деле использовалось для выделки шкур, – подобные ему сооружения со многими емкостями мы можем видеть в наши дни в Марракеше¹³. По одной недавней гипотезе, водяное колесо, возможно, служило иной цели: снабжать город водой. С того места, откуда мы смотрим, понять это невозможно. Слишком темно, да и расстояние большое. Мы только знаем, что перед нами удивительное техническое сооружение.

¹² Разновидность шейной гривны.

¹³ Город в Марокко. – *Примеч. ред.*

Наши изобретения? На самом деле их придумали римляне...

Тем не менее идея стиральной машины весьма заманчива. Так какие же изобретения или привычные действия, которые мы считаем принадлежностью современной эпохи, на самом деле восходят к древним римлянам?

Их целое множество, от букв, которые мы используем в наших компьютерах, до законов, образующих наши правовые кодексы, – всего не перечислишь.

Вот только некоторые, и, возможно, они вас удивят: бикини, носки, ветчина, подшипник, свечи, шкив, игра в стеклянные шарики, вареная колбаса и колбаски для барбекю, ножницы, обогрев помещений (термы), предвыборные плакаты, винтовой пресс, печенье «хвост» (*fricilliae*), которое мы едим во время карнавала, бетон, канализация, щипцы для горячей завивки волос, увеличительная линза...

Даже названия дней недели¹⁴, восходящие к именам семи планет, уже известных в античную эпоху, придуманы римлянами. Суббота и воскресенье – названия, введенные после распространения христианства (при этом воскресенье назначено выходным днем еще по решению римских императоров). Когда-то эти два дня были посвящены Сатурну и Солнцу. В английском языке так и осталось, эти дни называют *Saturday* и *Sunday*.

Надо сказать все же, что некоторые из этих изобретений не совсем римские: на самом деле они были задуманы в еще более древние времена. Но римляне восприняли их, видоизменили и придали гораздо большую эффективность в использовании, актуальном и по сей день.

Пример – линза для очков. Уже в Древней Греции были знакомы с линзами, но применяли только для разжигания огня с помощью солнечных лучей.

Римляне первыми стали употреблять их для усиления зрения. Плиний Старший, в частности, утверждает, что Нерон использовал драгоценный камень вогнутой формы (возможно, изумруд), чтобы лучше разглядеть гладиаторские бои. Многие полагали, что он таким образом корректировал свою близорукость. Но до первых очков придется ждать больше тысячи лет: они появятся лишь в конце восемнадцатого столетия, в эпоху Средневековья, и будут изобретены... итальянцами.

Среди изобретений римлян, которыми мы пользуемся до сих пор, не только предметы, но и распространенные приметы и суеверия. Например, про рассыпанную по столу соль (и разлитое масло, добавили бы римляне). Происхождение этого поверья весьма прагматично: во времена римлян соль стоила немалых денег.

¹⁴ В итальянском языке: lunedì (понедельник) – от Луны, martedì (вторник) – от Марса, mercoledì (среда) – от Меркурия, giovedì (четверг) – от Юпитера, venerdì (пятница) – от Венеры.

Раб, купивший себе раба

Какова численность населения Лондиниума? Трудно сказать. Полагают, что в 60 году н. э. там было от пяти до десяти тысяч жителей. Теперь же, при Траяне, их, должно быть, уже около 20 тысяч. Состав населения – как в странах третьего мира: детей много, стариков мало.

В самом деле, в Лондоне римского времени, как и во многих других городах империи, чуть ли не половина рождающихся умирает, так и не став взрослыми. И только четверть населения доживает до старости. Причем под «старостью» не стоит подразумевать невероятные цифры прожитых лет: римлянин, преодолевший сорок лет, уже вступает в преклонный возраст...

Три декуриона продолжают путь. На них натывается смеющаяся парочка. Она – почти девочка. Пара выглядит необычно. При столкновении падает воощенная табличка. Один из декурионов подбирает ее и раскрывает. Потом показывает двум своим товарищам и произносит вслух написанные в ней имена: Вегет и Фортуната. Те ошеломленно оборачиваются и, испугавшись трех военных, возвращаются.

Упавшая табличка – договор о покупке... девицы! Она – рабыня, а человек, который держит девушку за руку, только что ее приобрел.

Табличку нашли археологи (датировали 80–120 годами н. э., как раз наша эпоха), и она окажется настоящим сюрпризом для ученых. Из договора мы узнаем, что Вегет приобрел Фортунату за 600 денариев (сумма примерно соответствует 4800 евро).

Но можно прочесть там и еще кое-что любопытное: сам Вегет тоже является рабом-«помощником» некоего Монтана. Который также раб великого императора (то есть государственного раба, занятый в администрации или на общественных работах). Удивителен этот документ тем, что показывает три различных уровня рабства, что говорит о сложной и разветвленной организации тогдашнего общества.

Действительно, как мы обнаружим во время нашего путешествия, существует много различных категорий рабов: от самых простых и забитых, работающих в деревне, до тех, с которыми обращаются очень хорошо благодаря их учености и воспитанию. Последние заняты делами, требующими внимания и щепетильности, в администрации или в домах богачей. Очевидно, они (как, например, Монтан) могут заводить себе помощников (Вегет), которым иногда удастся скопить денег на покупку рабыни (Фортуната).

Мы не знаем, какое применение он найдет для этой рабыни, но хочется верить, особенно учитывая выложенную круглую сумму, что этот эпизод является счастливым окончанием истории любви и рабу наконец-то удастся заключить в свои объятия любимую женщину, выкупленную им у ее хозяина. Бывает и такое в римскую эпоху...

«Покажи ему средний палец, Сестилл!»

Декурионы возвращают парочке табличку и сворачивают с главной улицы в переулок. Их влечет, подобно невидимому магниту, аромат свежесвеженного хлеба. Толкнув дверь из трех досок, скрепленных крест-накрест приколоченными дубовыми планками, декурионы видят помещение лавки пекаря. За столами несколько рабов вращают небольшие ручные мучные мельницы. Остальные катают тесто, придавая будущему хлебу форму толстых дисков с глубокими, расходящимися от центра бороздами (по которым будут резать хлеб).

В углу двое рабов просеивают муку через сито, создавая весьма завораживающую картину: свет, проникающий узкими полосками через высоко расположенные небольшие оконца, проходя через облако муки, образует пучки лучей, пересекающих все помещение, как когда-то в кинотеатрах, до того как ввели запрет на курение в кинозалах. Рабы все усыпаны мелкой белой пылью. И сильно вспотели: вдоль одной из стен в печах непрерывно пекутся хлеба, которые затем выкладывают на шаткие полки.

Торговля хлебом идет в глубине дома. А декурионы заглядывают в заднюю дверь лавки, выходящую в переулок.

Мы можем видеть почти весь интерьер дома насквозь, это значит, что в некоторых кварталах Лондона дома расположены рядами, бок о бок, фасад выходит на одну улицу, а черный ход – на другую.

Декурионы покупают булки и удаляются, аппетитно похрустывая горячей корочкой. Выходя, они прикрывают за собой дверь пекарни. Для них это банальность, а для нас – курьез.

Вы обратили внимание? Все римские двери открываются внутрь дома, никогда – на улицу. Почему так?

Причина проста: в противном случае участок общественной земли использовался бы в частных целях. Действительно, пространство напротив входа в дом используется для открывания двери и тем самым «отнимается» у общества... Только римские богачи и власть имущие могут себе такое позволить. Остальные – нет.

Это правило через века дошло до нашего времени. То же самое бывает и с нашими входными дверями: от дверей квартир до дверей подъездов многоквартирных домов. Сходите посмотреть на дверь в подъезде вашего дома...

Введение норм безопасности начало вытеснять это правило: во многих заведениях и общественных зданиях двери оснащены специальной системой открывания наружу, чтобы обеспечить быстрый выход людей в чрезвычайной ситуации. Ведь если вдуматься, именно в результате этой традиции случались многие трагедии, когда толпа людей, напавших на дверь изнутри помещения, не могла открыть ее и покинуть опасное место.

Среди множества сохранившихся до наших дней элементов римского наследия есть еще один, который, возможно, удивит вас.

Три декуриона сейчас подошли к лондонскому амфитеатру, одному из объектов, которыми гордится город. После утренних схваток с дикими животными, полуденных смертных казней сейчас, возможно, на арене сражаются гладиаторы. Действительно, из-за ограды доносятся крики зрителей. Но этот шум не сравнится с тем, который трое мужчин привыкли слышать в Риме. Ведь в Колизее могут поместиться от 50 до 70 тысяч зрителей. А здесь – всего лишь шесть тысяч человек... в десять раз меньше. Кроме того, амфитеатр еще деревянный. Лишь при императоре Адриане здесь возведут каменный амфитеатр.

Свернув за угол, декурионы становятся свидетелями ссоры. Некто пытается увести своего друга, которого продолжает оскорблять его противник. Он говорит другу: «Посмейся над тем, кто обозвал тебя мужеложцем, Сестилл, покажи ему средний палец».

Друг повинуетя и, обернувшись к противнику, плюет в его сторону и показывает средний палец, что считается оскорблением. Завязывается потасовка, одна из многих, которые можно каждый день видеть в лондонских переулках.

Декурионы удаляются, не желая ввязываться в драку.

Эта сцена для нас была весьма интересна, – оказывается, один из самых оскорбительных жестов нашего времени, поднятый средний палец, не является порождением нашей вульгарности, а восходит к древности: его использовали уже римляне... Об этом говорит и Марциал в своих «Эпиграммах».

Догоним трех декурионов. Они только что повернули за угол, выйдя на декуманус, одну из главных улиц будущего лондонского Сити. Затеряемся вместе с ними в толпе «лондонцев».

Древний праздник очищения

Турма возобновила свой путь к самой северной границе империи. Еще несколько дней в дороге. Конечный пункт следования – Виндоланда (современный Честерхолм), одна из самых удаленных крепостей римской оборонительной системы, через нее пройдет Адрианов вал. Здесь пока еще горячая пограничная зона, часто вспыхивают стычки с племенами, живущими по ту сторону границы, населяющими Каледонию, современную Шотландию.

Всадников беспокоит такая перспектива, они начеку. Но пока в этом нет необходимости: хотя города, виллы богачей и дома бедняков встречаются все реже, контроль Рима в этой части Британии продолжает быть весьма надежным.

Климат становится все суровее, ночами холодно. В низинах лежит снег. Серые тучи толстым слоем покрывают все небо, будто зимней шубой. Каждый день дождь поливает всадников, холодный ветер превращает капли в ледяные иглы, колющие лица и руки.

Турма миновала Линдум (сегодня Линкольн), потом Эборак (современный Йорк), где располагается VI Победоносный легион (Legio VI Victrix). Везде они вручали новые сестерции, а на следующее утро вновь садились в седло и продолжали путь.

Теперь им предстоит провести последнюю ночь в населенном пункте, прежде чем достичь цели своего путешествия. Они останавливаются на ночлег в маленьком городке Катактониум (современный Каттерик, в Северном Йоркшире), выросшем рядом с военным укреплением.

Солдаты разбрелись по переулкам, тавернам и борделям городка, а три декуриона в сопровождении коллеги направляются на праздник местных племен в честь наступающего лета. Время года – между весенним равноденствием и летним солнцестоянием, примерно 1 мая.

Солнце уже зашло. Группка солдат шагает гуськом по полю, еще покрытому снегом. На этих широтах лето явно не торопится с приходом. Деревья в лесу все еще будто охвачены зимним оцепенением.

Солдаты останавливаются на вершине холма, где собирается множество людей из соседних селений. С ними их скот. Многие с обнаженным торсом, несмотря на холод. Декурионы держатся в сторонке, но с большим любопытством наблюдают за происходящим.

В центре большая куча дров и веток, все сходятся туда, будто притянутые магнитом. Масляные лампы и факелы образуют множество маленьких огоньков, парящих в темноте, подобно светлячкам. То же самое происходит на вершинах других холмов. Зрелище необыкновенно захватывающее. В свежем, кристально чистом ночном воздухе холмы будто увенчаны огнями, соперничающими со звездным небом.

Вдруг все замолкают. Держит речь человек. Это друид. Он говорит на своем языке. В ночном сумраке все лица обращены к старику, медленно и четко произносящему слова и фразы. Римляне не понимают ни слова, но прекрасно чувствуют всю торжественность момента. Их провожатый объясняет, что речь идет о празднестве очищения перед началом теплого времени года, – друид должен разжечь большой костер и провести через него скот, чтобы «очистить» его. Затем настанет черед остальных участников обряда.

Друид вглядывается в окружающие холмы: на одном из них факел ритмично покачивается. Это сигнал. Узловатым пальцем он указывает на дрова и произносит священные слова. Полуголые юноши подносят к дровам факелы, занимается пламя. При свете факелов римляне замечают изящные татуировки, обвивающие их тела, подобно плющу.

Костер разгорается, пламя охватывает поленья, принимая форму огненного собора. Декурионы смотрят на толпу, лица людей освещены огнем, их взгляды сосредоточены.

Подталкивая, скот заставляют проходить рядом с костром. Это нелегко, животные напуганы, их можно понять. Над их спинами машут факелами.

Старший декурион смотрит на другие холмы, они пылают подобно вулканам, на снегу пляшут блики пылающих костров, разгоняя ночь. Будто разгорелся мировой пожар. Отовсюду слышны крики и возгласы. Прорвав рамки торжественного священнодействия, праздник превращается в радостное массовое действо. Зима позади, а впереди – время сбора урожая.

«Этот обряд служит для плодородия всего живого», – размышляет один из декурионов. Но не успевает он закончить свою мысль, как у подножия холма появляется множество факелов, их держат обнаженные юноши. Мускулы будто бурлят под кожей. Они кричат. Есть и девушки, тоже без одежды, они бегут, размахивая факелами. Можно разглядеть ритуальные рисунки на теле. На них только кожаные онучи на шнурках – *caligarii*. Их тела при свете костров кажутся язычками пламени, пляшущими на снегу.

Добежав до вершины, они толкают людей, чтобы те перепрыгивали через горящие в снегу небольшие костерки. Таков ритуал: надо перепрыгнуть через огонь, чтобы очиститься. Стариков же и детей проводят под факелами.

Несколько молодых людей отделяются от остальных и бегут к римлянам. Во главе их – девушка с длинными волосами, рассыпавшимися по плечам... Следом за ней еще одна, широкобедрая, не так ловка в беге. Грудь колыхается при каждом движении. От света факелов на их телах красноватые блики, скругляющие формы. Не добежав до римлян нескольких метров, девушка что-то кричит, широко открыв рот, будто собирается их укусить. Вглядывается в них на мгновение, на лице мелькает улыбка, факел, подобно мечу, пронзает воздух в их сторону, и вот она уже отвернулась и скрылась во тьме.

Пламя факела, словно огненный флаг, проносится перед глазами римлян. Когда глаза вновь привыкают к темноте, молодые люди уже снова среди своих, со смехом подталкивают тех, кто замешкался прыгнуть через огонь.

Старшему декуриону этот «укус» девушки видится «рыком» культуры покоренных Римом племен. Империя победила оружием, но их племенные традиции еще предстоит победить.

Каким далеким кажется Рим в этих частях империи...

Традиция разжигать костры на холмах и вершинах гор сохранилась до нашего времени во многих сельских празднествах. И у нас в некоторых приальпийских долинах Северной Италии. Трудно установить, насколько эти обряды напрямую связаны с древними очистительными ритуалами, а насколько их следует связывать с более поздними обрядами и празднествами в честь наступления тепла, во время которых «сжигается» все старое или символизирующее «плохое», холодное время года. Ведь многие из этих праздников проходят в разгар лета.

Прощание

С рассветом небо понемногу светлеет, но тяжелые серые тучи мешают рождению красок дня: все покрыто холодным металлическим налетом. И деревянная избушка с лишайником на стенах.

Неожиданно на горизонте пробиваются первые солнечные лучи. Как сквозь пробоину в стене, яркие лучи пронзают холодный воздух, рассекают ледяной ветер и опускаются на крышу избушки, словно усталые птицы. Потом потихоньку скользят по двери, лаская ее, будто хотят постучаться.

Невероятно, насколько солнечный свет изменяет цвет двери. Она будто оживает, из черной становясь все светлее и наконец обретая древесный оттенок.

Солнце превратилось в слепящий огненный шар, прилипший к горизонту. Оно вот-вот исчезнет, проглоченное густыми серыми тучами, постоянными спутниками местных небес.

В этот момент дверь распаивается. Выходит старший декурион, рука на перевязи на уровне меча, наготове. Он смотрит по сторонам, затем, успокоившись, обращает лицо к солнцу и, прикрыв глаза, наслаждается ускользающим волшебным мгновением.

Он не один. Из-за двери показывается женщина, она завернулась в теплое покрывало в крупную цветную клетку. Подходит к декуриону, видны ее белоснежные босые ноги.

Мужчина оборачивается и одной рукой нежно привлекает к себе девушку. Она смотрит на него улыбаясь, лицом уткнувшись ему в грудь. Это та самая вчерашняя девушка, «укусившая» римлян...

Очевидно, декурион еще долго оставался там, и они воспользовались праздничной суматохой...

Сейчас ему надо быть готовым до того, как прозвучит сигнал к общему сбору турмы за стенами форта Катарактониума. Страстное объятие предшествует расставанию. Оба знают, что вряд ли свидятся еще раз. Поймав последний глубокий взгляд девушки, декурион направляется к месту сбора. Остановившись, он оборачивается к ней, лицо его освещено улыбкой. На щеках девушки следы от слез, она плотнее закутывается в покрывало.

Они еще не знают, что частичка декуриона останется здесь... Через девять месяцев у девушки родится сын, в котором со временем проявятся черты отца: две лукавые складочки по бокам рта. Такие же, что сейчас обрамляют его улыбку. Декурион закрывает глаза и продолжает путь к месту сбора.

Что-то в пояском мешочке при ходьбе стучит по бедру. А он думал, там пусто. Засовывает руку и обнаруживает сестерций, подарок наместника. Смотрит на него, улыбается и, зажав в кулаке, шагает дальше.

Наконец он на месте сбора; белокурый гигант-адъютант оседлал ему коня и докладывает, вытянувшись по стойке смирно, что остальные два декуриона уже забрали оставшиеся сестерции, хранившиеся в форте для надежности.

В считанные минуты турма в полном сборе строится за пределами форта. Некоторые солдаты кашляют. Еще один сморкается. Их сразили местные холода и дожди... И не только они. У одного из солдат лицо распухло после потасовки. Другого мутит после попойки. Многим из них надолго запомнится эта остановка в Катарактониуме...

Декурион улыбается, хотя знает: теперь надо быть начеку, на них могут напасть. Он оглядывает своих людей, затем расправляет плечи и выкрикивает приказ выдвигаться. Турма медленно движется по главной дороге, с выставленными напоказ флажками и штандартами, привлекая любопытные взгляды.

Через несколько минут солдаты выходят из городка и по дороге выбирают на гребень холма. Кто-то провожает взглядом турму до тех пор, пока последний пурпурный плащ не скрывается за холмом. Взгляд этот затуманен слезами. Это та самая девушка.

Виндоланда

Во время перехода пришлось быть бдительными, тревогу могли поднять из-за малейшего шороха, особенно когда шли через лес, но теперь цель их долгого пути близка. На горизонте появляется укрепление, длинная полоса башен и крыш, под покрывалом огромных серо-белых облаков. Вокруг все леса вырублены, ярко зеленеет свежая трава. Во многих местах еще лежит снег, как бы отрицая окончание зимы.

По одну сторону от укрепления расположился небольшой поселок, где живут семьи солдат, ремесленники и т. п. Официально солдаты не могут жениться до окончания срока службы (а она длится двадцать пять лет!), но неизбежно завязываются отношения, особенно в таких удаленных местах, где солдаты застревают на многие годы: в стихийно возникающих семьях рождаются дети, и руководство смотрит на это сквозь пальцы.

Турма у входа в крепость, старший декурион передает верительные грамоты начальнику караула. Надо соблюдать формальности, колонна ждет разрешения войти. А старший декурион пользуется этим, чтобы осмотреть форт. Невысокие деревянные стены (около шести метров), но при штурме через них трудно перебраться: вокруг крепости прорыт глубокий ров, за счет него высота стен увеличивается. Кроме того, стены прикрыты слоем земли и травы, чтобы противостоять огню. Интересно заметить, что уже в римское время существовали зубцы на стенах, как в средневековых замках (наверное, точнее было бы сказать наоборот...).

Над стенами возвышаются две деревянные башни с необшитым остовом: они похожи на строительные леса, наверху которых квадратная платформа, где дежурят часовые.

Башни поставлены на равных расстояниях, выбранных не случайно, а исходя из дальности римской боевой машины, чтобы в случае штурма одна башня могла защитить другую.

Укрепление представляет собой в плане квадрат большой площади, примерно равный четырем футбольным полям. С места, где находится старший декурион, видны крыши спален, конюшен и всех зданий, составляющих эту большую приграничную «казарму».

Еще один любопытный факт: лагерь имеет четыре входа, по одному с каждой стороны, и их местоположение легко определить даже издалека, по бокам стоят «в карауле» башни. Подобное можно видеть и сегодня во многих городах, некогда основанных римлянами. Да и в самом Риме. Главные ворота в оборонительных укреплениях всегда узнаваемы по двум округлым башням, высящимся, подобно часовым. От них, к примеру, берет начало знаменитая Виа Венето¹⁵, на уровне ворот Порты-Пинчана. Две цилиндрические башни указывают начало старой дороги – Виа Салариа, которая затем сливалась с Салариа-Нова.

Старшего декуриона и его всадников пропускают в крепость. Он сходит с коня и приказывает своим идти в отведенные им для постоя помещения. А сам, с двумя коллегами, должен подать рапорт и... вручить сестерции.

Трое шагают по главной улице форта в сопровождении молчаливого великана-батава, несущего последний мешок с сестерциями с такой легкостью, будто в нем сухие листья.

Форт подобен небольшому, полному жизни военному городку. Вот проходит конюх, ведущий под уздцы лошадь. Из открытых дверей солдатских спален доносится смех. Несколько солдат, прислонившись спиной к деревянным опорам ангара, слушают других, жестами объясняющих ход сражения, в котором они участвовали. После стольких дней путешествия в полном

¹⁵ *Via Veneto* (ит. *Via Vittorio Veneto*, или *Via Veneto*) – одна из знаменитых улиц Рима, названа так после Первой мировой войны в честь битвы при Витторио-Венето. Здесь находятся *Café de Paris* и *Harry's Bar*, показанные в фильме «Сладкая жизнь» Федерико Феллини, а также магазины ведущих мировых брендов класса люкс. – *Примеч. ред.*

снаряжении старший декурион наконец видит группки солдат «в штатском»: никаких кольчуг и шлемов, только подпоясанная туника. Конечно же, на поясе висят меч и боевой кинжал (ведь мы в зоне боевых действий).

По пути он слышит непривычные имена. Они поражают и нас своей «иностранностью», латинского в них нет ничего. Некоторые – германского происхождения: Бутимас (первая часть имени означает «добыча»), Ваттус, Хнисс, Храуттиус, Гамбакс (от древнегерманского *gambar* – «крепкий»), Хвепнус, Хвете...

Другие – типично кельтские: Троуцисс, Катусса, Каледус, Уксперус, Акраниус, Цессауциус, Варценус, Вириоциус...

Все эти имена были действительно найдены археологами в форте Виндоланда.

Форт, после долгого пребывания в нем солдат-батавов (то есть «голландцев»), теперь занят первой когортой воинов-тунгров (выходцев из местности к северу от Арденн). Это важная деталь. Действительно, они не легионеры, а солдаты из племен, завоеванных римлянами много поколений назад. От этих ныне преданных империи народов требуют присылать солдат, которые будут служить бок о бок с римскими легионерами. Командует ими обычно не римлянин, а знатный представитель их же народа. Такие подразделения отличаются с культурной и языковой точки зрения большим единством, но сражаются они за дело Рима. Самоотверженно. Ведь форты с легионерами находятся в тылу, а эти – на первой линии. Поэтому именно эти «колонийные» войска Рима первыми встречают врага: как в боевом построении (они и там стоят в первых рядах), так и в приграничных фортах. Легендарные легионеры всегда готовы вступить в бой, но во вторую очередь.

Такова организация римской армии.

По окончании военной службы наградой для этих солдат вспомогательных войск – ауксилариев (так их называют в отличие от легионеров) служит земельный надел, разрешение узаконить брак со своей женщиной (и своих детей, если они уже появились) и, главное, римское гражданство, самая вожаделенная цель.

С этого момента они уже не будут романизированными варварами, а станут полноправными гражданами Рима и империи, как и их дети. Эта «золотая пенсия» побуждает многих солдат, стиснув зубы, идти до конца. Если дойдут, конечно: на передовой смерть – обычное дело.

В форте много «кварталов» с низенькими постройками, покрытыми белой штукатуркой, вдоль фундамента которых по всему периметру проведена широкая темно-зеленая полоса. Это спальни солдат, центурионов и их командиров. Но в них располагаются и лошади одного из подразделений солдат первой когорты вардулов, выходцев из Испании. Как мы видим, приграничные форты являются пристанищем римских «иностранных легионов».

Сандалии поверх носков: мода почти двухтысячелетней давности

Встреча с начальником крепости была душевной и теплой. Во время разговора со старшим декурионом он произносил слова с характерным батавским северным акцентом, слегка растягивая слова. И не мог не покачать укоризненно головой, когда увидел мешок сестерциев на своем столе: он человек практичный и считает ненужной тратой военных сил задействовать целую турму, чтобы везти в такую даль какие-то монеты... Но улыбнулся, когда увидел новую военную удачу императора, изображенную на реверсе. Еще одна победа для Рима... Настоящий воин, он воспринимает Траяна равным себе, человеком, сформировавшимся в армии. Как он, так и его солдаты питают к императору безграничное уважение.

Несколько дней назад в крепость дошло известие об отряде каледонцев, которые, подобно коммандос, вторглись на римскую территорию. Были даже найдены следы их повозки на снегу, но у реки они затерялись. «Это демоны из холодных краев, – говорит он. – Они движутся с необыкновенной ловкостью по непроходимым местам и совершают внезапные набеги на наши тыловые посты». Единственный надежный способ их остановить – стена от берега до берега, с фортами на равных промежутках. «Это единственный способ: все, кто находится здесь, убеждены в этом. Так можно было бы предотвратить набеги и лучше контролировать движение товаров...»

Его идея будет воплощена через несколько лет, в правление следующего императора, Адриана, по приказу которого будет возведена стена высотой шесть метров, толщиной два-три и длиной... 180 километров! Она пройдет через весь север Британии, от Ирландского до Северного моря. Настоящая европейская Китайская стена, со сторожевыми башнями через каждые 500 метров и фортами через каждые полтора километра, охраняющими узкие ворота в стене: надежный фильтр для провоза товаров и прохода людей.

Перед стеной, со стороны, обращенной к варварам, параллельно ей будет прорыт трехметровый ров, препятствующий штурму врагов. С «римской» стороны стены вдоль нее будет проложена дорога, соединяющая форты, и, что любопытно, еще один оборонительный ров с земляной насыпью, – это говорит о том, что набеги случаются и с «дружеской» территории.

Множество других больших фортов (как форт в Виндоланде) будут возведены вдоль Адрианова вала, подобные готовым к атаке сторожевым псам.

Стена будет выполнена столь добротнo, что бо́льшая часть этой длинной каменной змеи доживет до наших дней.

Выйдя из комнаты начальника крепости на центральный дворик штаба, декурион становится свидетелем сценки, не вписывающейся в рамки военного «протокола». Большеглазый мальчик с длинными светлыми волосами бежит к начальнику, крича: «Папа, папа...»

Служанка пытается его остановить, но малыш проворный, он ловко карабкается по ступенькам, ведущим к деревянному портику, где стоят двое мужчин, и прыгает в распахнутые объятия отца. «Вот он, мой маленький Ахилл, готов к бою!»

Декурион замечает, что сандалии малыша, сидящего на руках у отца, имеют такие же клепки на подошве, как и обувь легионеров. Он замечает также толстые разноцветные чулки на ногах мальчика. Здесь почти все солдаты надевают такие под сандалии (*caligae*)¹⁶.

В наши дни от подобного сочетания (хотя недавно некоторые модельеры – Burberry, Givenchy и Dior – вновь ввели его в моду) воротят нос, здесь же, в холодном климате, так назы-

¹⁶ Калиги были важнейшим атрибутом принадлежности к солдатскому сословию. Точное время их введения неизвестно. Стандартной обувью для римских солдат они были со времени правления Августа до начала II в. н. э.

ваемый стиль Socks & Sandals (или *udones et caligae* – на римский манер), о котором многие сегодня отзываются презрительно, принимают сразу.

А вот и жена начальника, элегантная женщина с изящными манерами, несомненно из знатного семейства. Она вручает несколько писем одному из секретарей, тот позаботится об их отправке. Писать письма и получать их – обычное дело для здешних мест, но для археологов это настоящая манна небесная, ведь из них можно почерпнуть столько информации. Как мы вскоре увидим.

Декурион прощается с начальником форта. Между ними колоссальная разница в чине, как между генералом и простым капралом... И все же прощание проходит хоть и в военном стиле, но весьма сердечно.

Затем он направляется к месту ночлега, которое делит с двумя коллегами. Холод и сырость проникают в форт, пробирая до костей; он ускоряет шаг. Возможно, климат и есть настоящий враг римских солдат, ведь он нападает на них каждый день. И не только на них, но и на здания.

Ведь этот форт возведен из дерева, только через несколько лет его заменят на каменное укрепление меньших размеров. Здания недолго выдерживают в здешнем сыром климате, меньше десяти лет. Каждый раз, как сносят здание или перестраивают угол форта, все – обломки и мусор – покрывается слоем глины, не пропускающей влагу, а сверху снова возводят постройки.

Этот слой глины препятствует и доступу кислорода в почву, без которого не живут бактерии, разрушающие предметы. Поэтому многие из них дошли до нас в почти неповрежденном виде, сохранившись во влажном грунте, в некоторых местах почти в жидкой грязи.

И вот результат: археологи и добровольцы из «Виндоланда траст»¹⁷ под руководством неутомимого Робина Бёрли (Robin Birley) за последние сорок лет извлекли из земли тысячи неповрежденных предметов после почти двухтысячелетнего сна.

Многие из них выставлены в музее на месте раскопок, и благодаря их уникальности Виндоланда – один из самых интересных археологических памятников римской эпохи.

Найденные предметы – самые разнообразные: это и золотые монеты с профилем Траяна, и дорогие перстни с резными печатками. Находят и кольца попроще, с трогательными посвящениями, – так, на маленьком бронзовом кольце написано: *MATRI PATRI* (то есть «Матери и отцу»).

Все находки невозможно описать, перечислим лишь некоторые: гребень для волос в кожаном футляре (такой же, какой у многих мужчин лежит сегодня в нагрудном кармане), столовая посуда из Франции, которой никогда не пользовались, поскольку ее повредили при перевозке, черепки винных амфор, стеклянный кубок с изображением сражающихся гладиаторов, медальон с целующейся парочкой (будто с обложки журнала), алтари для жертвоприношений.

¹⁷ Независимый благотворительный фонд, финансирующий раскопки вдоль Адрианова вала, сохранение археологических памятников и их пропаганду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.